

В. Г. Белинский

**О жизни и
произведениях сира Вальтера
Скотта. Сочинение Аллана...**

Виссарион Григорьевич Белинский О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта. Сочинение Алана Каннингама...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826365*

Аннотация

«...Теперь о самой книге. Она довольно интересна, как все книги, даже посредственные, в которых содержатся какие-нибудь подробности о жизни великого человека. Но книга все-таки посредственна, потому что г. Аллан Каннинггам человек очень недалкий в литературе и, как кажется, принадлежит к числу литературных рыцарей печального образа. Его критические взгляды на сочинения Скотта довольно мелки и поверхностны, понятия о творчестве тоже очень недалеки. Впрочем, он добрый человек и очень любит Вальтера Скотта...»

Содержание

Комментарии

В. Г. Белинский
О жизни и произведениях
сира Вальтера
Скотта. Сочинение
Алана Каннингама...

*О ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СИРА
ВАЛЬТЕРА СКОТТА. Сочинение Аллана
Каннингама. Перевод Девицы Д..... Санкт-
Петербургу. В типографии Конрада Вингебера. 1835.
XLVII – 143. (8).*

Перевод и издание этой книги принадлежит к числу редких и утешительных явлений в нашей литературе, которые бывают результатом мысли, исполняются *con amore*¹ и с толком. Кому не известно великое имя Вальтера Скотта, оглашавшее своим громом более четверти века, а теперь сияющее для потомства кротким и благотворным светом? Кто не знает созданий этого громадного и скромного гения, который был литературным Колумбом и открыл для жаждущего вкуса новый, неисчерпаемый источник изящных наслаждений, который дал искусству новые средства, облек его в но-

¹ с любовью (*итал.*) – *Ред.*

вое могущество, разгадал потребность века и соединил действительность с вымыслом, примирил жизнь с мечтою, сочетал историю с поэзией? Кто не читал и не перечитывал этих разнообразных созданий, в которых средние века восстают, и движутся, и проходят перед нами, дышащие всею полнотою своей жизни, играющие всеми радужными и мрачными лучами своей волшебной фантазмагии? Кто, наконец, не жил в этом роскошном и разнообразном мире чудесных событий, дивных физиономий, начиная от фанатических войн пуританских до войн за веру в Азии, от колоссальной фигуры фанатика Бурлея до фантастических образов Ричарда, Лудвига XI, Карла Смелого? Боже великий! Что за дивный мир, сколько портретов, сколько физиономий,

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!^[1]

О – это целая и огромная панорама вселенной, в которой движутся и толпятся всевозможные явления человеческой жизни заключенные в волшебные рамы вымысла! И есть люди, которые сомневаются и отвергают поэтический талант Вальтера Скотта, называя неестественным и нелепым соединение истории с вымыслом^[2]... Стоят ли эти люди опровержения?.. Как! стало быть и большая часть драм Шекспира, Шиллера, Гете суть незаконные чада воображения, а их творцы не художники, не поэты? Иначе за что же такое пред-

почтение драме пред романом? За что эта монополия на историю в пользу драмы? Стало быть, жизнь историческая не может быть предметом поэтического представления, так же как и жизнь частная? Разве законы той и другой не тождественны? Разве народная жизнь образуется не из действия частных интересов и побуждений, характеризующих человека? И потом, разве мы можем видеть в истории все тайные пружины и причины великих событий, часто теряющихся в самых частных действиях и побуждениях? В истории мы видим сцену и декорации; почему же роману не обнажать нам тайн закулисных, имеющих такое тесное отношение с сценою? Вы не любите, чтобы нарушали историческую истину? Странное дело! Кто будет так нелеп, чтобы не отличить истины от вымысла или учиться истории по романам? К тому же, сам историк более или менее есть творец характеров исторических, ибо, при всем своем старании быть верным фактам, каждый историк более или менее придает особенный оттенок каждому историческому лицу, сколько потому, что часто сами факты бывают недостаточны, темны, противоречащи, столько и потому, что всякий индивидуум имеет свой собственный образ воззрения на предметы. Почему же поэту не позволено понять по-своему то или другое историческое лицо и воспроизвести его в художественном создании сообразно с своим о нем понятием и обставив его обстоятельствами, частью истинными, но больше вымышленными, которые бы характеризовали его историческую и челове-

скую личность?

Как ни нелепы сомнения насчет законности художественного сочетания истории с вымыслом, как ни безнравственны упреки, делаемые Вальтеру Скотту в безнравственности его созданий, но все это ничто пред сомнением в поэтическом таланте автора «Пуритан» и «Ивангое»^[3]. Здесь было бы неуместно и бесполезно распространяться об этом вопросе, давно уже решенном европейскою, или, лучше сказать, всемирною славою Вальтера Скотта. Авторитет не доказательство, скажете вы? Нет – я с этим не согласен. Знаете ли что? У народа есть какое-то чутье, столь верное, что он никогда не обманывается ни в своих любимцах, ни в предметах своего равнодушия. Я не знаю из наших русских поэтов никого, чья бы слава и народность была так прочна, так бессмертна, как слава Пушкина и Грибоедова. Державина, Озерова, Жуковского, Батюшкова и некоторых других будут помнить записные литераторы, люди книжные? Пушкина и Грибоедова будет помнить и знать парод. Сюда должно причислить еще Крылова. Правда, наш век слишком умен, – важен, хитр и лукав, слишком занят высшими, человеческими интересами и не может пленяться ни простодушием, ни затейливостию басни, не может почерпать в ней уроков мудрости; он смотрит на нее, как на поэтическую игрушку, как смотрел прошлый век на триолеты, мадригалы и рондо; но для басни остается еще обширный круг почитателей: это народ, масса народа. С постепенным образованием в России

низших и средних классов народа, число читателей Крылова будет беспрестанно умножаться, и придет время, когда они сделаются ходячею философиею народа, в полном смысле этого слова, когда они будут издаваться десятками тысяч экземпляров; они, а вместе с ними и слава Крылова, погаснут только с жизнью народа. Вы скажете: но ведь и авторитеты Тредьяковского, Сумарокова, Хераскова и других были не меньше авторитетов Крылова, Пушкина и Грибоедова? Так – но педанты, толпа и чернь еще не народ. Точно то же было и в других литературах: немец признал Гете и Шиллера своею национальною славою; Франция аплодирует на улице, когда видит Беранже; Джон Буль^[4] любил и любит своего *старого Билля*^[5]. Но этот же Джон Буль, скажете вы, заплатил 7 с половиною фунтов стерлингов за «Потерянный рай». Так, но знаете ли что? у меня престранный и пренелепый вкус: я сам недорого бы дал этому забытому народом и прославленному восемнадцатым веком поэту, которого неестественная и напряженная фантазия изобрела порох и пушки еще прежде Адама и Евы и заставила дьяволов стрелять из этих пушек в ангелов. Многие находят в этом удивительное величие и исполинскую силу воображения, но я (и очень многие, если не все) нахожу тут одну уродливость, которой истинный художник никогда не мог бы выдумать. Нет, воля ваша, а глас народа – глас божий, и народ и века самые непогрешительные критики. На Вальтера Скотта и народ, и народы, и человечество давно уже возложили венец поэтической славы: остает-

ся векам и потомству скрепить определение современников – и это будет! Так какому ли нибудь самозванному барону удастся снять этот венок с лучезарной головы гениального баронета?..

Переводчица сочинения Аллана Каннингама о жизни и сочинениях Вальтера Скотта, в довольно обширном предисловии, отстаивает с жаром поэтическую славу гениального шотландца от нападений Барона Брамбеуса. В ее рассуждении виден светлый, образованный ум и теплое чувство; мы прочли его с живым удовольствием, и оно показалось нам лучше самой книги. Жаль только, что она сражалась с почтенным Бароном неравным оружием, отчего и бой был очень неравен. Причина та, что она ошибочно поняла нападки Барона на Вальтера Скотта и приняла его шутки и мистификации за дело. Барон Брамбеус человек очень умный, и надо уметь понимать его, чтоб быть в состоянии с ним сражаться. Да, я почитаю за шутки, очень милые и остроумные, его нападки на автора «Пуритан», на юную словесность, так же как почитаю за шутки критики г. О. О. на «Черную женщину» г. Греча, «Мазепу» г. Булгарина, и в то же время высоко ценю критики того же лица на «Роксолану» г. Кукольника, рецензию на «Притчи» Круммахера и некоторые другие книги^[6]. В самом деле, надо знать, когда человек говорит дело, когда шутит, и на дело надо отвечать сурьезно, а на шутки шутками. Посмотрите, как мило и тонко поступает в этом случае г. Булгарин, заставляя белорусского мужи-

ка защищать против Барона Брамбеуса свои любезные *сии* и *оньие*^[7]. И в то же время посмотрите, как неловко и неуклюже начала воевать с «Библиотекою для чтения» «Северная пчела», еще недавно ее постоянная и усердная партизанка. Но как бы то ни было, а предисловие Девушки Д. написано умно и может быть полезно для многих читателей. Жаль только, что она, возражая Барону со всем достоинством и всею твердостью человека, чувствующего правоту своего дела, слишком *смирненно* обезоруживает, на всякий случай, его гнев, давая ему заметить, что в ее книге нет опальных *сих* и *оньих*^[8].

Теперь о самой книге. Она довольно интересна, как все книги, даже посредственные, в которых содержатся какие-нибудь подробности о жизни великого человека. Но книга все-таки посредственна, потому что г. Аллан Каннингам человек очень недалкий в литературе и, как кажется, принадлежит к числу литературных рыцарей печального образа. Его критические взгляды на сочинения Скотта довольно мелки и поверхностны, понятия о творчестве тоже очень недалеки. Впрочем, он добрый человек и очень любит Вальтера Скотта; да как и не любить: он имел благосклонность похвалить его сочинение, всеми разруганное. Переводчица книги Каннингама обещает еще перевести несколько сочинений о жизни горячо любимого ею автора; мы от всей души желаем, чтобы она выполнила свое обещание.

Перевод вообще очень хорош, хотя местами и встречаются

ся неправильности и даже темнота в слоге, как, например: «Вальтер Скотт в 1813 году *объявил (publia – издал?)* «Матильду Ракби», или: «Каждый день писал более десяти печатных листов», то есть по целой книге? Это невозможно; верно, есть ошибка в переводе. Впрочем, это все мелочи, которые нимало не вредят достоинству перевода вообще, и я выставляю их не для публики, а для переводчицы, чтобы она обратила на них свое внимание при своих следующих переводах. Но вот о чем хочу я еще заметить – о правописании. Это предмет теперь очень важный в нашей письменности. И в самом деле, посмотрите: с одной стороны, «Библиотека для чтения», с которою мы, в этом отношении, совершенно согласны, производит в языке, и особенно в правописании, реформу, с другой – беспрестанно появляющиеся грамматики, каждая по-своему, также силятся произвести реформу. Что это значит? То, что нам надоела разноголосица, что мы хотим согласиться хотя в правописании. Давно бы пора! Спорный пункт больше всего о прописных буквах. Кажись, дело очень ясно, и не о чем бы и спорить: так нет, наши литераторы упрямо держатся старины, даже тогда, как сами хлопочут из всех сил о преобразовании языка. Например: вследствие каких причин переводчица книги Каннингама ставит прописные буквы в начале слов: *гений, литература, литератор, искусство, поэзия, поэт, поэма, ода, драма, роман, романист, драматик, океан* (жизни) и пр. Мы знаем, что гений гораздо выше не только *титularного советника*, но и кол-

лежского асессора; мы знаем, что слова: *поэзия, искусство, роман, драма* и пр. выражают предметы, священные для нашего чувства; но ведь *гений* такое же нарицательное слово, как и *глупец*, но ведь *добродетель, слава, честь, храбрость, самоотвержение* также выражают идеи, священные для нашего человеческого чувства; зачем же в словах: *глупец, добродетель, самоотвержение* начальные литеры пишутся маленькие? Собственное имя есть то, с которым соединяется понятие о каком-нибудь индивидууме; Алексеев много, но когда я говорю: *я видел вчера Алексея*, то разумею здесь известное лицо, единственное в мире, представляю себе в это время его образ, черты лица и все его особенности; так же точно и с словом *Пушкин*, я разумею творца «Онегина», одного в мире, но когда говорю: *Байрон был гений*, то словом *гений* означаю не индивидуальность, а принадлежность, атрибут, как и словом *умен, высок, глуп, низок*. Если мы будем изъявлять свое уважение к идеям, выражающим человеческое достоинство, большими буквами, то наша печать должна превратиться в какую-то пеструю и безобразную набойку, и здравый смысл требует, чтобы для слов, выражающих идеи низкие, как-то: *подлость, неблагодарность, коварство* и пр., были придуманы особенные буквы, или кривые, или самые маленькие. Конечно, странно в наше время с важностию рассуждать о таких мелочах, как стихотворные размеры, октавы, или о больших и малых буквах, и придавать этим вздорам какую-нибудь важность; но надо же и в

мелочах следовать здравому смыслу; если есть определенные формы в платье, в обращении, почему же не быть им и в печати. Вам нравится человек, одевающийся опрятно и со вкусом, соблюдающий условия вежливости и хорошего тона: почему же вы не хотите позаботиться о том, чтобы ваша книга была напечатана опрятно, красиво, изящно; а если так, то зачем же вы безобразите ее, без всякой нужды, этою отвратительною пестротою, которая так неприятно рябит в глазах? Можно одеться богато, но безвкусно; можно напечатать книгу великолепно и безвкусно. Наш век любит во всем совершенство, и иностранные книги, даже слишком скромно изданные, всегда отличаются какою-то изящностию, происходящею от вкуса отпечаток которого они на себе носят.

Комментарии

1.

Цитата из поэмы Пушкина «Братья разбойники».

2.

Эти сомнения высказывал О. Сенковский. См. прим. 5 к рецензии «Посельщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ.».

3.

Речь идет о романах «Шотландские пуритане» и «Айвенго».

4.

Джон Буль — персонаж сатирического произведения Дж. Арбетнота «История Джона Булля» (1712). Здесь — нарицательное имя англичанина.

5.

То есть Вильяма Шекспира. Далее Белинский говорит о поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай». Отрицательное отношение критика к этому произведению объясняется тем, что, по его мнению, жанр эпической поэмы закономерно принадлежит лишь древности и не восстановим в новое время. Ср. в статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (наст. т., с. 144).

6.

О юной словесности см. прим. 121 к «Литературным мечтаниям». Далее упоминаются статьи Сенковского «Черная женщина», роман Николая Греча («Библиотека для чтения», т. IV, отд. V), «Мазепа», сочинение Фаддея Булгарина (там же, т. II, отд. V). Драму Кукольника «Роксолана» (наряду с его же драмой «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский») Сенковский разбирает в статье, опубликованной в «Библиотеке для чтения», 1835, т. IX, отд. V. Белинскому понравился критический тон этого разбора (ср. в статье Белинского «Ничто о ничем...» в настоящем издании, с. 434). Рецензия Сенковского на «Избранные притчи Круммахера» опубликована там же, 1835, т. XI, отд. VI.

7.

Булгарин в статье «Ревель летом» («Северная пчела», 1835, № 229) писал о том, что он встретил «преумного и пречестного русского мужичка», который автору «посоветовал... не изгонять из русского языка слов сей, сия, сие, оный, оное, оныя». «И, батюшка! сказал мне добрый старик: ведь как станем общипывать наше родное слово, как курицу, так чужие люди зажарят его и съедят, а нам оставят одни косточки» (с. 926). О расхождении между Булгариным и Сенковским см. также прим. 17 к статье «Ничто о ничем...».

8.

Сенковский ответил девице Д. специальной заметкой («Библиотека для чтения», 1835, т. XI, отд. VI), выдержанной в характерной для него шутивно-издевательской манере: «О, стократ счастливый Брамбеус! На тебя нападают девицы. Мы отдали б все на свете за честь быть предметом гонения одного такого врага. Так нередко начинается любовь и счастье» и т. д. (с. 26–27).